



Светлана Стичева

САРАТОН,

или Ошибка выжившей



Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С80

Дизайн обложки
и иллюстрация на обложке: *Юлия Межова*

Стичева, Светлана.

С80 Саратон, или Ошибка выжившей : [роман] / Светлана Стичева. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 288 с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-184024-2

Можно ли вырваться из «города смерти», навсегда покинув его?

Студентка Полина учится в Сибири, приехав туда из милого и экзотичного городка в Средней Азии, где прошло ее детство. Вот только у этого городка есть страшная особенность: в нем часто умирают еще молодые люди. Мать Полины хранит зловещую семейную тайну, а сама девушка — тайну личную, также окутанную смертью.

Может быть, поэтому ей так не везет? А может, во всем виноват Саратон?

Пытаясь переломить судьбу, Полина отчаянно борется за счастье, а тем временем страна стремительно летит в пропасть после развала Союза.

Путь героини к обретению себя извилист: он полон тупиков и ошибок. Но в этой истории, как и в жизни, есть место и падениям, и взлетам, и светлой грусти, и любви, и чуду.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-184024-2

© Светлана Стичева, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА 1. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Похороны в Тушинске проходили по вторникам или четвергам. В тот четверг хоронили Клаву-Цветастое-Платье, самую нарядную и веселую учительницу городской музыкальной школы.

Едва расправив младенческие легкие, Клава не закричала, а запела, известив кубанскую степь о своем неурочном явлении, а молодая Клавина мать, приподнявшись на локтях в колхозной телеге и кутая в рушник голосистое чадо, качала головой: и в кого такая певунья? Когда она подросла, девочку с удивительным слухом приметили: школьная самодеятельность, а потом музучилище, и очарованный залетный Одиссей, что взял ее за руку после отчетного концерта и увез далеко-далеко, в южную долину, где течет полноводная река Сырдарья и упираются в небо скалистые горы. И была у них любовь, словно песня, и семья, и сыночек, и мечтала Клава, что поедут они все вместе на море и фотографируются с обезьянкой.

С фотографии на памятнике — сером металлическом обелиске — удивленно смотре-

ла большеглазая тоненькая блондинка чуть за тридцать. Я не могла оторвать взгляд от красивого Клавиного лица, едва замечая, что происходит вокруг. Впервые за свои восемь лет я не просто смотрела на похороны со стороны, а шла, как взрослая, вместе с похоронной процессией: женщинами в черных платках и мужчинами, одетыми, как на праздник, в брюки со стрелками и рубашки. У всех на рукавах были траурные черные повязки, а лица выражали деловитую печаль. Здесь были и другие дети, кроме меня. Девочек с черными бантами в волосах и мальчиков в школьных пиджаках, Клавиных учеников из музыкальной школы, привели, чтобы проститься и придать солидности процессии. Я уже слышала, что чем больше народа провожает в последний путь, тем больше уважения покойному, правда, было непонятно, как покойный об этом узнает, он же умер навсегда и взаправду.

Я стояла около дороги, которая ведет из нашего двора прямо в город и потом до кладбища, когда меня подхватила за руку и втянула в толпу идущих заплаканная женщина, немного похожая на Клаву. Мне не было страшно, а было немного грустно, но утешало то, что идти за похоронным грузовиком со спущенными бортами уж всяко приятнее, чем ехать на нем, а тем более лежать в гробу. Красный с черными рюшами гроб стоял посередине кузова, за ним — памятник, по сторонам от гроба на низеньких стульчиках сидели близкие родственники: нахохлив-

шийся подросток и трое молодых, похожих друг на друга мужчин с одинаково прямыми спинами. Лучи послеобеденного летнего солнца пронзали до костей, распаяя душевную боль дополнительным мучением. Но даже под зонтиком тем, кто сидел в грузовике укрыться, было нельзя — так на похоронах не положено.

Встретив по дороге похоронный грузовик, другие машины съезжали на обочину, уступая проезд, или сворачивали на боковые улочки. Грузовик ехал очень медленно, так что люди шли за ним спокойным шагом, отчего вся процессия казалась похожей на большую очередь: как будто в гробу лежит не покойник, а «дефицитный товар», как говорила мама, со значением раскрывая сумку после похода по магазинам и вынимая из нее финский спортивный костюм для папы или пахнущий конфетами шампунь «Кря-кря» для меня. Такие очереди выстраивались возле авиакасс перед открытием, в отделы школьных принадлежностей городского универмага «Памир» накануне первого сентября или на остановке автобуса, который шел из Тушинска в областной центр.

Только похоронная очередь была не сварливой и нервной, а степенной и горестной, люди в ней хотели отдать, а не взять: отдать дань уважения усопшему. Когда я спросила у папы, что это значит, он ответил, что это как сказать спасибо за то, что человек был, и пообещать его помнить. А также разделить горе потери на всех. Плакать в одиночку всегда тяжелее, чем если

знать, что кто-то рядом чувствует то же, что и ты.

Сразу вслед за похоронным грузовиком обычно шагал маленький оркестр: три трубы и огромный барабан, сверху которого были приделаны металлические тарелки, звонко смыкавшиеся при нажатии барабанщиком на какой-то тайный рычаг. Оркестранты всегда были очень красивыми. Летом — в белоснежных рубашках и черных брюках, весной и осенью — в блестящих атласных фраках, зимой — в элегантных шерстяных пальто. Музыку они исполняли всегда одну и ту же: траурный марш Шопена. Эти звуки, от которых у меня немедленно начинало ныть под ребрами, были привычны для города, и, заслышав их, дети с окрестных улиц сбегались поглазеть, подслушать, а потом напридумывать, насочинять и рассказывать вечером во дворе, когда стемнеет, зачарованной страхом малышне:

— А у бабы Зои, ну той, что всегда шатается, выпала из рук сетка с бутылками, и она упала на колени и заплакала по-настоящему! Из-за нее все остановились, а потом догоняли грузовик наперегонки! И кто опоздал, заходил уже ночью! А ночью на кладбище творится такое!

После этих слов обычно сбоку кто-то выскакивал с растопыренными руками и уханьем, и визжащие слушатели без оглядки мчались домой.

Доехав до кладбища, которое располагалось на бывшем пустыре совсем недалеко от последней городской улицы, грузовик остановился:

дальше гроб полагалось нести на руках до могилы. Нас, детей, туда не пустили.

— Подождите немножко, — сказала заплаканная преподавательница из музыкалки, — сейчас приедет автобус, сможете в нем посидеть. А я туда и обратно, по-быстренькому!

Мы встали возле кладбищенской ограды (невысокого забора из металлической сетки) и принялись взмахивать руками, подолами прилипших к горячим ногам юбок, полами расстегнутых мальчишеских рубашек, трясти намоченными от пота волосами в попытках остудиться воздушными волнами. Но все напрасно: потревоженное марево безветренного дня лишь еще больше обжигало. Мы раскисли и присели на корточках, сложив ладони домиком на уровне лба, чтобы хоть как-то защитить глаза от слепящего солнца и кожу носа от обгорания.

Сквозь пальцы я видела за забором ровные ряды серых обелисков, которые устанавливали сразу в день похорон рядом с могилой в твердую каменистую почву, и тропинки между ними. Из растительности на кладбище были только редкие чахлые колючие кустарники с острыми шипами размером с человеческий ноготь. Кустарник-колючка рос сорняком повсеместно, и мог оцарапать до крови неосторожного торопыжку. Деревья на кладбищенском пустыре не росли, и надежды укрыться в тени не было.

Внутри подъехавшего пазика — заказанного заранее автобуса для развоза людей — было даже жарче, чем на улице. Вместе с несколькими

ми женщинами, что тоже остались стоять возле ограды, нас первой ходкой повезли обратно в город, к дому, где жила Клава и где уже готовились поминки. Ковыряя дырку в горячем дерматиновом сиденье автобуса, я строила планы о том, что в следующий раз обязательно придумаю, как пробраться на кладбище. Я там все посмотрю и запомню, и меня будет уже не напугать вечерними рассказами, я узнаю всю правду и сама ее всем расскажу! Долго ждать не придется, в Тушинске постоянно кого-то хоронят.

Город Тушинск был мало кому известен. Так называемый «почтовый ящик», он не значился на картах СССР, относясь к режимным городам атомной промышленности, не то чтобы совсем секретным, но с пропускным режимом на въезде и выезде. Построили Тушинск после Второй мировой, на севере Таджикистана, возле урановых месторождений. Письма в закрытые города можно было слать только на абонентские ящики под номерами, отсюда пошло и название. В Тушинске было и «московское» обеспечение и магазинное изобилие — такое и не снилось жителям прочих советских городов. Полукольцом город обжимали строения Комбината — так все жители называли главное предприятие города — горно-химический комбинат.

Когда к нам впервые приехал из далекого сибирского поселка дядя Володя, папин брат с такими же, как у папы, глазами цвета голубоватой студеной воды, он ошалело крутил головой, совершая с нами воскресный обход по базару. Ба-

заром, или Центральным рынком, в Тушинске называли одноэтажную постройку под крышей-куполом, где четыре зала-павильона соединались между собой переходами: мясной, овощной и два непродовольственных. Продуктовый базар работал только в выходные, когда из окрестных кишлаков привозили фрукты и овощи, а также мясо и птицу из местных совхозов. Два промтоварных павильона — мебельный и хозяйственный — работали как обычные магазины всю неделю, кроме понедельника. Дядю Володю больше всего впечатлил мебельный павильон.

— Итить-колотить, да это что — румынский гарнитур? — Дядя Володя присвистнул, остановившись напротив сверкающей лаковой поверхностью и зеркалами серванта. — Вот стоит, и можно оформить? А диванов, диванов-то сколько! Тахта, кушетка, кресло-кровать. Телевизор цветной, холодильник... Юрка, ты, брат, схватил удачу за хвост! Молоток, вот не зря же столько учился.

— Мне просто повезло. — Видно было, что папе приятно, хоть он и старательно скромничал. — Пригласили с повышением, сразу на начальника отдела. Галка сперва не хотела, но и ей инженерную ставку предложили.

Папа перешел на шепот и покосился на маму. Она стояла поодаль. В модном блестящем платье и с рыжими от химзавивки кудряшками, щури зеленые лисьи глаза, мама разглядывала висевший на стойке витрины огромный ковер, делая вид, что папу не слышит, хотя в павильоне

мы были почти одни. Осмотрев ковер, мама перешла к осмотру макета современной квартиры: стенка (шкафы с антресолями, полками и зеркальным углублением для посуды), диванно-кресельный гарнитур, ковер не только под обеденным столом, но и на стульях и диване в виде ковровых накидок. Все полированное и обильно заставленное хрусталем — вазами, бокалами, салатницами. Папа с дядей Володей и мной, пристроившейся чуть позади, двинулись к соседнему продуктовому павильону.

Родители всегда забывают, как интересовались всем взрослым, когда были детьми, и не придают значения присутствию малолетних слушателей. А может, это я была такая незаметная, со своим маленьким ростом и худобой, двумя светлыми косичками и синевой под глазами, что терялась на фоне повсеместного яркого южного праздника? Так или иначе, я слышала весь разговор. Братья давно не виделись, младший Володя сначала долго служил во флоте, а потом пытался пристроиться, мотаясь по различным великим стройкам. В итоге он женился на дородной сметчице Валентине из рабочего поселка на краю сибирской тайги, где и осел, получив на семью комнату в коммуналке и должность прораба. Главным достоинством Володи было то, что он не пил. Одну рюмку в тех случаях, когда полагалось, он степенно опрокидывал, дальше спокойно отказывался, чем и был знаменит. Дородная Валя таким сокровищем дорожила, с трудом отпустила к брату всего на неделю.

Поехала бы и сама, но отпуска у них все никак не совпадали.

— Понимаешь, не успела Галка институт закончить, — папа продолжал говорить полшепотом. — Высшего образования нет. Мы когда познакомились, она на вечернем училась. Я ее как увидел — так и пропал!

Дядя Володя понимающе хмыкнул.

— Поженились быстро, Полинка у нас появилась. Много болела — хронический тонзиллит, потому и худенькая такая, да еще и не ест. Может сидеть за столом хоть по часу над куриной ногой. Эх, прям беда у нас с ней!..

— Беда? — дядя Володя возмущенно дернул плечом. — Беда — это когда есть нечего, а тут...

Мы зашли в продуктовый павильон, где первым делом дядя Володя купил деревянный ящик, такой специальный, для перевозки фруктов на самолете. Ящики заполнялись красно-желтыми персиками, приторно-ароматными, и рядами потом выстраивались в аэропорту на конвейерной ленте, уносившей их в специальный багажный отсек. С такими ящиками из города уезжали все, это был лучший подарок из Средней Азии.

— Валька обрадуется! Она у меня хорошая, готовит — пальчики оближешь! Вот придете к нам, фирменным холодцом угостит. Холодец любишь?

Дядя Володя повернулся с вопросом ко мне, и я немедленно затосковала. Разговоры о еде мне не нравились.

— Холодец мы не варим, — сказал папа, — а вот пловом я тебя сегодня накормлю!

Папа оживился. В отличие от меня, он любил и есть, и готовить. Мама к готовке относилась прохладно. Вечно ссылаясь то на усталость, то на жару, то на стирку, она была озабочена тем, чтобы накормить в первую очередь меня. Сама она ела равнодушно, без видимого удовольствия, просто чтобы закинуть что-нибудь в рот.

— Гости, что ль, будут? — спросил дядя Володя. — Или плов только для нас четверых?

В представлении дяди Володи плов был символом сабантуя, восточного праздника с песнями-плясками и кучей народа. Он уже успел попробовать на выходе из аэропорта обжигающе пузырящихся чебуреков из тонкого, как бумага, тающего во рту теста, и безоговорочно влюбился в национальную таджикскую кухню.

— Нет, без гостей, — сказал папа. — Галка в последнее время гостей-то не очень. Неприятности у нее на работе. На Комбинате у нас коллектив тесный, и от тесноты много знающий, сплетни там, то-се. Иерархия местная. Некоторые простить ей не могут, что «чертежница без вышки на инженерную ставку взобралась, да еще и начальник прямой — собственный муж». Сплетницы заводские шпыняют ее исподтишка. Злословие — оно ж как лекарство от скуки в маленьких коллективах и городах.

Папа вздохнул.

— Да, понимаю. — Дядя Володя почесал переносицу. — У нас тоже поселок махонький,

как пол-Тушинска вашего. Ничего не утаишь. На что Валька у меня языкатая, так и то, бывает, ревет в подушку. Хотя Валька все больше от ревности. Я, правда, думал, что народ у вас тут покультурнее. Не всех подряд ведь приглашают. В эти ваши «почтовые ящики» сложно попасть. Кучеряво вы тут живете!

— У всякой медали есть и обратная сторона, — папа усмехнулся. — У атомной медали, сам понимаешь, какая. Правда, медицина у нас тут хорошая, высший класс. Докторов, слышал, на спецкафедрах закрытых готовят.

— А вот все одно: со мной бы ты местами не поменялся! — Володя хлопнул папу по плечу и устремился в мясной павильон. Я решила затормозить, подождать маму. От запаха мяса меня тошнило, хоть от сырого, хоть от вареного. Лишь бы они не забыли купить арбуз! Арбуз или дыня в сезон всегда были на нашем столе как и яблоки, сливы и персики, весной — черешня с клубникой, осенью — гранаты и хурма. Всего было в Тушинске в изобилии.

Маленький и уютный, чистый и зеленый, город-сказка Тушинск прятался среди отрогов Тянь-Шаня в плодородной Ферганской долине. С гор, что виднелись на северо-западе, всегда струился легкий ветерок. Он приносил вечернюю прохладу после жаркого дня, обдувал утренней свежестью лица горожан, спешивших на Комбинат, и, путаясь в густой листве деревьев, создавал непрерывный ласковый шелест. Перекликаясь с ним, журчала артезианская вода

арыков — небольших оросительных каналов, сантиметров по тридцать шириной, что пролегли вдоль тротуаров по всему Тушинску. Арыки были полны водной жизнью: между булыжников и по краю нарастал сочно-изумрудный мох, по дну струились темно-зеленые волосы-водоросли, а в заводях жили головастики, улитки и лягушата. Взрослые лягушки перебирались в тень от высаженных вдоль арыков кустов лигуструма (вечнозеленого декоративного растения с кожистыми мелкими листочками и приторно пахнущими белыми щетинистыми цветами), откуда с наступлением сумерек начинали свои концерты. Многих жителей они выводили из себя, лишая сна, мне же нравилось засыпать под их рокочуще-бархатные песни. Я всегда переживала, когда видела, как мальчишки вылавливают лягушек, рыская в подстриженных по линейке кустах, потому что потом они лягушками кидались в прохожих, хохоча из засады над внезапным испугом и вскриками. Ударяясь об асфальт, не все лягушки уползали обратно в кусты. Некоторые оставались лежать, подергивая лапами, и потом затихали, становились похожими на серые тряпочки, почти сливаясь с асфальтом. Утром дворники сметали их в кучи мусора вместе с опавшими за ночь листьями чинара.

Кое-где в арыках водились головастики. Они приятно скользили по щиколоткам опущенных в прохладную воду ног, а если поймать их стайку в сложенные лодочкой ладони, можно было ощутить забавное щекотание. Подержав немно-

го, головастиков отпускали расти дальше, переключая внимание на лягушат.

Как-то раз я поймала и зажала в кулаке крошечного лягушонка размером с полмизинца. Он трепыхался и просился наружу, а я впервые ощутила власть над судьбой беззащитного тельца и сострадание к его беспомощности: улыбнется ли ему удача или он погибнет по прихоти того, кто сильнее? Я разжала пальцы и отпустила лягушонка на свободу, испытав вдруг гордость за сделанное доброе дело. После этого я решила стать защитницей (хотя бы от дворовых девочек) всех живых существ и растений и выговаривала подружкам, если видела их неосторожность. Больше я не обрывала цветы, не хватала живность понапрасну и старалась быть внимательной ко всему вокруг.

Когда мама откуда-то добыла разноцветные большие тома «Детской энциклопедии» и поставила их на полке под телевизором: «Только не хватай книги грязными руками!», я быстро замусолила энциклопедию до дыр. Тогда мама заполнила какие-то формуляры, и почтальонша начала вкладывать в наш почтовый ящик, помимо папиных газет, еще и журнал «Семья и школа». Там на последних страницах в рубрике «Классика живописи» всегда были цветные репродукции и истории создания известных картин. Мама выписывала этот журнал, только чтобы «ребенок приобщался к искусству», но сама не читала. Я приобщалась с удовольствием, подолгу рассматривая картины, вырезая ножницами особо